

ВОССТАНИЕ

Произошло это в пору моей юности — тогда мне было семнадцать с половиной лет. Восстание вспыхнуло, как яркое пламя в темной ночи. Вспыхнуло ярко, но быстро и погасло. Солдаты двух полков Красноярского гарнизона не захотели идти на фронт сражаться против победоносно наступающей 5-й Красной армии, которая, уже перевалив через горы Урала, несла трудящимся Сибири освобождение от кровавой колчаковщины.

Мой отец воевал в империалистическую. Весной 1918 года вернулся домой. Пришел он больным, разбитым. Ведь ему в общей сложности досталось отслужить более 20 лет.

И тут всю Сибирь захлестнула колчаковщина. Рабочих и крестьян в белую армию призывали насильно. Они не хотели служить «верховному». Мой отец быстро и верно находил общий язык с насильно мобилизованными колчаковскими солдатами. В наш дом тянулись получившие «увольнительную записку». Тут же моя мать готовила морковный чай. «Морковопитие» сопровождалось непринужденной беседой. Запомнилось мне, с каким азартом говорили о наших партизанах Кравченко и Щетинкине. Как-то Семен Рябый, один из наших знакомых, обратился к моему отцу:

— Максим Иванович. Правда, что вы Романова двадцать лет защищали?..

— Правда, — сразу же последовал ответ. — Мы, солдаты, защищали свою Родину. А вот кого ты, Семен, с Гришей защищать собираетесь — мне трудно по-

нять? — улыбаясь в усы, «отпарировал» удар мой отец.

Гриша, друг Семена, не вытерпел:

— Дядя Максим, «верховного» мы защищать не пойдем.

Не менее отчетливо моя память сохранила образ солдата-артиллериста Павла Усольцева. Высокий, белокурый и сильный был человек. Он наставлял меня: «Скоро придет наша Красная Армия — готовь себя идти с ней. А к белым — не ходи...»

Запомнился и неожиданный приход Семена Рябого в день перед восстанием. Рябый тогда сказал: «Максим Иванович, наших к себе не жди. Нам сегодня выдали винтовки, но без патронов. Идут разговоры, что гонят нас на фронт...»

И вот со стороны казарм донесся шум. Он приближался к дому, где пьянствовал офицере. Огни в окнах офицерского собрания вдруг погасли. Сыплются частые удары прикладов и камней по дверям и окнам. Оттуда хлопают pistolетные выстрелы. Слышны стоны раненых... У солдат винтовки, но они не стреляют. Наверное, у них нет патронов? Офицеры выскакивают в окна, но тут же попадают в толпу. Солдаты их не выпускают...

Это было начало. Потом на мятежный городок были брошены «верные» белогвар-

дейские полки и преданные «верховному» казачьи сотни.

Повстанцы двух полков, освободившись от своих офицеров, избирали командиров. То тут, то там завязывалась перестрелка. В городок с тыла ворвались казачьи сотни. Их неожиданной налет поддержала артиллерия. Мятежники оказались окруженными. Я видел, как повстанцы мелкими группами двинулись в сторону Коркино. Многих захватили в плен. Раненых не брали, их тут же добивали. А пленных свели в район военной церкви городка. На территории поселка уже рыли большую яму. Началась порка шомполами и избиение. Вскоре стали выводить приговоренных к смерти. Их группами в 10—15 человек вели к яме. Вот подвели первых. Остановили лицом на восток. И утренний воздух разорвал нестройный залп. Затем вторая, третья группы. Но этого «порядка» убийства невинных людей хватило не более как на час. Дальше началось какое-то беспорядочное «изобретательство» более изысканных, более зверских методов уничтожения. Казаки куражились друг перед другом в способах убийства.

Только в первый день было зверски умерщвлено около 500 человек. Сколько расстреляли ночью — нельзя было подсчитать, мешала темнота. На утро были уничтожены еще сотни чело-

век. В общей сложности, по моим подсчетам, которые я вел, — в этой кровавой бойне на территории Иннокентьевского поселка было зверски замучено и расстреляно около тысячи солдат.

Я искал глазами тех, которых знал и успел уже полюбить. Мне хотелось их видеть в последний раз. Семена Петровича Рыкова нельзя было не узнать. Он попал в одну из первых групп, когда еще был какой-то «порядок». Он был на голову выше всех.

Павел Усольцев шел тоже впереди. Перед самой ямой он сразу поднял вверх обе руки, прощаясь с нами. Одних ставили на колени, чтобы удобнее было сечь голову. В этом упражнялось офицере. Других расстреливали на бегу. На второй день казни я увидел неразлучных друзей Семена и Гришу. Белье на них все покрывалось пятнами крови. Держались они, несмотря на страдания, гордо...

В последние дни декабря 1919 года в Красноярск пришла с боями долгожданная 5-я Красная армия. Вступив в нее добровольно, я с ней пошел дальше на восток мстить за погибших старших друзей.

До сих пор во мне живет память о подвиге солдат, поднявших восстание в Красноярске. Они погибли, но их смерть звала на борьбу.

Михаил НАЗАРОВ,
генерал-майор авиации в отставке.